

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В ПАМЯТЬ УШЕДШИХ И ВО СЛАВУ ЖИВУЩИХ

Письма читателей с фронта.

Дневники и воспоминания сотрудников

Публичной библиотеки

1941-1945

Санкт-Петербург
1995

ИЗ ПИСЕМ ФРОНТОВЫХ ЛЕТ

(Публичная библиотека и ее читатели в годы
Великой Отечественной войны)

Составитель И. В. Алексахина

В наши дни открываются новые возможности изучения истории, сложных процессов развития общества и культуры. Обращение к эпистолярному наследию, более широко, чем прежде, используемое сегодня исследователями, пролагает в этом направлении свои пути. Письма, наряду с другими рукописными и не только рукописными документами, определяются как первоисточники. Несмотря на свою субъективность, они признаются достоверными свидетельствами времени. Письма военных лет, текст которых ложился на бумагу в тяжелых условиях фронтовой обстановки, блокады, многих и многих лишений и тягот, в которых протекала тогда общая жизнь, в большинстве своем исключали мелкое, второстепенное, наносное. В них человек сосредоточивался на главном для себя, как обычно в минуты риска. И в этом главном, даже с учетом непререкаемой военной цензуры, просматривалось глубоко индивидуальное, присущее лицу конкретному.

"Как одно из средств человеческого общения письма имеют разное назначение, -- читаем у Л. Я. Гинзбург, -- Они несут всевозможную информацию, они содержат размышления, наблюдения или выражают эмоции. Они удовлетворяют настоящую потребность человека в самоотчете, в том, чтобы осознавать и фиксировать протекание своей жизни (1). Письма, адресованные в учреждения, носят, как правило, деловой целенаправленный характер, но и они, если вчитываться, не лишены упомянутых выше свойств и особенностей. А потому, взятые за определенный период времени и соотнесенные с общественным его содержанием, они содействуют панорамному воссозданию исторического сюжета, детализируют многолюдные картины прошлого как образные: за каждым письмом стоит человек со своей судьбой, натурой, побуждениями.

Ныне массовый интерес в нашей стране сосредоточен прежде всего на развитии процессов социально-экономических и политических. Вместе с тем заново формируются и обсуждаются принципы морали, нравственности и этики, опирающиеся на основы гуманные, зовущие к осознанию ценности человеческой жизни, неповторимости существа каждого человека, необходимости уважения к нему и милосердия. Для решения вопросов социальных, экономических и нравственных "требуется, -- настаивают ученые, -- кардинальный пересмотр отношения к человеческой сокровенности, субъективности...(2) Все это обуславливает новые поиски непреходящих ценностей, нынешний "прорыв" в архивы (разрешенный, но и вызванный ходом времени): устойчивый и пристальный интерес историков, социологов, литераторов, редакторов и издателей к неустаревавшим до поры мемуарам, письмам.

На смену идеологическому единомыслию пришло разнообразие взглядов, часто исключаящих друг друга. Но в столкновении мнений и борьбе идей, в нестабильной общественной ситуации, в напряженных жизненных обстоятельствах опорой служат дела и поступки достойных людей, прошедших по трудным дорогам в переломные эпохи и иные тяжелые времена. В летописи отечественной истории немало памятных глав и страниц, исполненных драматизма и героики, трагических событий, в ходе которых торжествовал человеческий дух. В череде таких исторических потрясений -- сражение против фашизма и одно из самых тяжких среди них -- ленинградская эпопея. "Разноречивое, многоликое повествование людей о блокаде повторяется и не повторяется, и несется дальше, и уходит вглубь страданий и испытаний. Впрочем дело не в одних только страданиях, страдания открывают нам более важные свидетельства, которые можно услышать в этих рассказах -- границы человека, пределы человеческие. Они расширяют эти сферы силы, высоты человеческой, продвигают их в пределы, казалось, до этого необитаемые, безумные, где нельзя соблюдать законы морали, где душа гибнет, а оказывается, и там человек может оставаться Человеком" -- говорится в "Блокадной книге" А. Адамовича и Д. Гранина. В ней среди дневниковых и мемуарных записей нашли место исполненные боли воспоминания сотрудников Библиотеки. Есть в этой книге примечательные строки: "В трудовых

коллективах, устойчивых, коренных, таких, допустим, как Кировский завод, Публичная библиотека, Металлический завод, милиция, – там тоже репутация блокадных лет является как бы гарантией порядочности (4). Бытие Библиотеки в городе-фронте – ее борьба за спасение культуры, это не только хорошо организованная работа по сохранению раритетов и пополнению фондов, но напряженное общение с читателем во всех доступных формах, содействие тому, чтобы человек не изменял своему нравственному чувству, своему предназначению.

В ряду архивных документов, отражающих деятельность Библиотеки в дни Великой Отечественной войны и ее контакты с читателями, письма, присланные сюда с упованием на отклик, составляют особый пласт. (Их плодотворнее изучать в контексте всей переписки, соотносить с ответами, но, к сожалению, и сами письма, и копии ответов сохранились далеко не все.) Первое, что обращает на себя внимание при знакомстве с письмами при всей их общей временной и патриотической окрашенности (последняя, заметим, лишена многословия и торжественности), – это разнообразие проблем, интересующих читателей, их желание разрешить вопросы из далеких друг от друга областей жизни и деятельности человека.

Большой поток писем связан с проблемами сугубо профессиональными -- военными, военно-медицинскими, инженерными и другими. Эта особая сфера переписки читателей и Библиотеки ждет своего обозревателя, и мы здесь ее не касаемся, рассматривая только письма, соотносящиеся с проблемами культуры, гуманитарных знаний, эрудиции, запросы общеобразовательного характера, продиктованные исканиями духовными, удовлетворить которые хотели столь многие из тех, кто носил в ту пору военную форму, будь то профессиональный военный, врач, инженер, учитель, студент, рабочий или человек, не получивший образования и не владеющий какой-либо специальностью.

Вопросы в письмах простирались от лаконичных, непосредственных, типа: "Растет ли камень?" или "Кто первый назвал Петербург Северной Пальмирой?" до пространных, ведущих, например, к рассуждениям о происхождении жизни на Земле. Интересовались материалами по истории Бессарабии и Румынии, истории народов США, книгами о военном судостроении России накануне первой мировой войны, военными журналами, выходящими в 1942-1943 гг., сведениями об устройстве токарного станка, правилами орфографии и т. д. Шли запросы, требовавшие длительных разысканий, и тут же – несложные. Приводить примеры разнообразия содержания писем можно до бесконечности. Те, кто их уже исследовал, достаточно показали это. Изучая письма, они выявляли обобщающие их начала: патриотизм, тягу к культуре, знаниям, к добру – вопреки войне и разрушению. Безусловно, это так. Добавим только: письма объединяет неколебимое чувство надежды на будущее страны, на то, что жизнь на Земле продолжится, Библиотека – средоточие духовных, светлых начал -- останется и возвысится в этом будущем. В целом же ряде случаев письма, возможно, диктовались элементарной жадой общения людей, оторванных от дома, семьи, близких, от привычного, украшенного книгой быта, – того неперменного общения, которое определяют как преимущественное свойство русского народа.

Писем приходило в Библиотеку в ту пору так много, что уже в ходе войны возникла необходимость проанализировать эти документы – актуальные свидетельства времени, показать их как явление общественное. В 1943 году в журнале "Звезда" (№ 4) появилась статья сотрудников Библиотеки Е. П. Приваловой (5) и К. Д. Муратовой (6) "Культурный рост наших фронтовиков". На нескольких страницах авторы развернули содержательное обозрение писем, главным образом, с запросами читателей-фронтовиков, продемонстрировали широкий спектр этих запросов. Уже тогда было отмечено, как в лихое время наряду с бесчисленными запросами специального характера по военной истории, тактике, медицине, одновременно идут читательские требования, вызванные желанием познавать и учиться: например, многочисленные просьбы о составлении списков и присылке книг – произведений художественной литературы (русской и зарубежной, классической и современной). Разумеется, авторы статьи не могли тогда

назвать ни имен, ни фронтовых адресов своих читателей, но в заголовке своего обозрения они определили то важное, что заключали в себе письма: несомненность духа защитников Родины, их не угасающий, а растущий интерес к отечественной культуре, стремление приобщиться к ней. В разных строках, в просьбах, изложенных, как правило, на плохой бумаге, нередко карандашом, открывалось то высокое, что в реальности тогда объединяло народ от подростка до глубокого старика, искренне сострадающих своей воюющей стране и не представляющих ее побежденной.

Более сорока лет спустя письма фронтовиков в Библиотеку заново прочитала ее сотрудница О. В. Звегинцева (7). Она охарактеризовала работу Консультационно-библиографического отдела в лице его лучших представителей тех лет, а также подготовила публикацию двадцати писем (некоторых фрагментарно), пришедших в Библиотеку с переднего края обороны. Отметив значение деятельности Библиотеки в годы битвы с фашизмом, напомнила о том, какие невероятные усилия сотрудников были приложены к тому, чтобы спасти духовное наследие народа, чтобы и на фронте, и в кольце, и за кольцом блокады люди могли "жить достойно, не расчеловечиваясь" (Д. Гранин).

Ныне эти и многие другие письма, а также частично копии ответов на них хранятся как в Архиве РНБ, так и в Центральном Государственном архиве литературы и искусства С.-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). В основном они объединены в папки под названиями "Переписка с бойцами Советской Армии о присылке литературы", "Переписка с воинскими частями об оказании методической помощи в организации библиотек и подготовке библиотечных работников", "Переписка с бойцами Советской Армии о высылке им литературы и о передаче в дар ГПБ книг". По-своему важные, взволнованные, разнохарактерные письма обнаруживаются в папках Отдела комплектования, таких, например, как "Материалы о приобретении ГПБ бесхозных библиотек и архивов", "Материалы о приеме в ГПБ рукописных материалов от отдельных лиц" и др. Письма бойцов, письма читателей военных лет, письма дарителей иногда обнаруживаются и в других архивных папках, среди совершенно неожиданных материалов. Они ждут своего часа, представляя научный интерес не только для воссоздания истории Библиотеки в полном объеме, но и для тех, кто ведет ретроспективные социологические и историко-культурные исследования более широких масштабов.

Настоящая публикация ряда писем военных лет и их комментирование рассматриваются нами как один из шагов на путях изучения взаимосвязи Библиотеки и ее читателей в те годы истории, когда, казалось бы, все предполагало разрыв этих связей. "Пока хоть кто-то понимает, что культуру надо спасать, на этот вершок она и спасена. Пока люди сидят в библиотеках и не отходят от книг, вот на этот вершок культура и выживает. А как начнут самокрутки из книг махоркой набивать, вот тогда она рухнет. Культура всегда в осаде. Но она поразительным образом все равно пробивается сквозь неблагоприятные условия (8), -- говорит в одном из своих интервью писатель Т. Толстая, размышляя о нашем, тоже по-своему трудном для развития культуры времени. В годы войны тесные, активные, энергетически напряженные контакты Библиотеки и читателей содействовали культурному прогрессу не на вершок, а, смело можно сказать, на сотни и тысячи верст вперед. Люди, силою обстоятельств отторгнутые от книг, тянулись к ним. Хранители книг делали все, чтобы утолить духовную жажду читателей. Публикуемые письма -- всего лишь фрагменты истории Библиотеки в годы войны и блокады Ленинграда, однако они позволяют детальнее представить поразительную судьбу Библиотеки фронтовых лет, заставляют задуматься о том, как на протяжении теперь уже двух веков Библиотека растила и вырастила своего благодарного читателя, не порывая с ним и в невзгодах. Отбор писем сделан в основном из тех, что приходили с обратным адресом полевой почты (возможно, не все они шли из фронтовой полосы, но фронтовые письма говорят сами за себя). Некоторые публикуемые письма присланы из города-фронта Ленинграда (так называемые "местные"). Немало заслуживающих внимания запросов читателей приходило в ту пору и из тыловых городов и селений. Но остановиться на них мы не имели